

Пань Сяоцзюй, как и в любой другой день, пришла на текстильную фабрику, переделалась в рабочую форму и стала ждать начала смены. Обычно в это время она находила двух-трех подруг из числа бывших «образованной молодежи», чтобы вместе посетовать на несправедливость прошлого и на то, как сильно та тяжелая пора искалечила их жизни. В конечном итоге такие разговоры неизменно заканчивались растерянностью перед будущим.

Однако сегодня у нее не было на это настроения. Она отыскала деревянный стул, присела и развернула газету.

Свет предрассветного часа уже впереди

Посвящается всем тем, кто пробивается сквозь ночную тьму

Густой мрак глубокой ночи всегда создает иллюзию, будто тьма бесконечна, совсем как написано в Горькой любви: художник Чэнь Гуан всю жизнь любил свою родину, но навстречу ему всегда выходили лишь неизбежные бедствия. Его имя означает предрассветный свет, но самого света он так и не увидел. Казалось, тьма окутывала его, окутывала людей той эпохи.

Однако если мы будем устремлять взгляд лишь в грязную тень под собственными ногами, то никогда не увидим, что свет предрассветного часа всегда ждет нас за следующим поворотом.

Дочитав до этого места, Пань Сяоцзюй поняла, что это критическая статья, направленная против Горькой любви. По логике вещей, она должна была бы яростно сопротивляться подобным нападкам на произведение. Но почему-то эта статья показалась ей иной, в ней чувствовался душевный отклик. Она не стала раздумывать и, не обращая внимания на удивленные взгляды подруг, продолжила чтение.

Горькая любовь изображает патриотизм как трагическую и безрассудную жертву, словно единственно верный путь — это бегство или слепота. Но истинный патриотизм никогда не сводится к личным потерям или приобретениям. В повествовании Горькой любви сквозит сожаление о любви к родине, а эта пассивная эмоция совершенно не вяжется с реальностью, где народ сам стал хозяином своей судьбы. Современная китайская молодежь в этот период великих перемен, не имеющих аналогов в тысячелетней истории, должна разжать руки, вцепившиеся в прошлое, и обнять более широкий мир, лежащий впереди. Те, кто даже в бездне продолжал смотреть на звезды, в конце концов поймут: так называемый свет впереди — это не призрачное утешение, а привилегия тех, кто не прекращает идти.

Самый холодный момент — перед самым рассветом, но помните: солнце никогда не опаздывает. Вместо того чтобы увядать, повторяя сценарий Горькой любви, лучше самим стать маяком. В тот миг, когда вы осветите себя, вы уже добавите в этот мир крупицу незаменимого утреннего света.

Ба-бах.

Внезапно Пань Сяоцзюй залилась слезами. Крупные капли, словно горошины, падали на

газету, оставляя на ней мокрые пятна.

Если бы это читал интернет-пользователь из будущего, он бы наверняка решил, что это просто очередная порция пустой мотивационной болтовни, слишком приторной, чтобы задеть за живое. Но в эту эпоху всё было иначе. Люди были очень искренними, и те, кто еще не был пресыщен подобными текстами, не могли остаться равнодушными.

Это случилось и с Пань Сяоцзюй. Ей казалось, что автор статьи как никто другой понимает их, бывших ссыльных. Они, живущие в эту эпоху, верили в солнце, иначе не откликнулись бы на призыв отправиться в деревню в самом расцвете сил. Просто потом жизнь нанесла им сокрушительный удар, заставив пламя веры в их глазах медленно погаснуть. Даже вернувшись, они упустили лучшее время для учебы и были вынуждены идти на завод, потеряв цели и не видя надежды.

Но эта статья подействовала как сильное лекарство, заставив ее вновь обрести надежду на будущее.

Стать маяком — в тот миг, когда вы осветите себя, вы уже добавите в этот мир крупицу незаменимого утреннего света.

В этот момент она перестала блуждать в потемках и наполнилась ожиданием грядущего. Вспоминая время после возвращения из деревни, она чувствовала, что жила как в тумане, словно ходячий мертвец.

Сценарий Горькой любви...

Пань Сяоцзюй вспомнила рукописный текст, который ей довелось прочесть, и поняла, что с ним действительно что-то не так. Страна явно движется вперед, реабилитирует невинно пострадавших, но в сценарии об этом ни слова — словно тьма будет вечно висеть над людьми, не давая увидеть просвета. У Пань Сяоцзюй по спине пробежал холодок: если бы она не прочитала эту статью, то, поддавшись настроению Горькой любви, могла бы встать на путь саморазрушения.

Запрет Горькой любви был верным решением!

Поняв это, она кардинально изменила свое отношение.

— Сяоцзюй, Сяоцзюй, что с тобой? Почему ты то плачешь, то смеешься? — обеспокоенно окружили ее подруги с фабрики.

— Спасибо за заботу, со мной не только всё в порядке, наоборот, мне еще никогда не было так хорошо, — Пань Сяоцзюй вытерла слезы и впервые по-настоящему улыбнулась. — Все потому, что я прочитала статью товарища Ху Вэйминя!

— Какую статью? Дай и нам почитать.

Прочитав текст, подруги тоже прослезились.

— Сяоцзуй, это действительно прекрасная статья. Раньше мне казалось, что жизнь лишена смысла, но теперь я чувствую, что могу сделать еще очень многое!

— В тот миг, когда вы осветите себя, вы уже добавите в этот мир крупицу незаменимого утреннего света. Как же верно сказано!

— А еще... Раньше я не понимала, зачем нас отправляли в деревни, а теперь вижу: это мы были слишком поверхностны и не могли осознать дальновидность нашего лидера!

— Подумать только, по сравнению с крестьянами, которые поколениями живут в деревнях, мы еще очень счастливы!

— Если они могут позитивно смотреть на жизнь, то как мы можем жаловаться на малейшие трудности?

— Эх, смешно вспомнить, как после Горькой любви я была недовольна государством. Как же это было неправильно!

— Значит, вы тоже читали Горькую любовь?

— Да, а вы...

Хотя никто не произнес этого вслух, в душе каждая из них приняла решение выбросить рукописную копию сценария.

Яньда, литературный кружок. В нем состояло семнадцать человек, старостой и его заместителем были Чэнь Цзяньгун и Чжа Цзяньин. В это лучшее для них время каждый жадно впитывал знания, а люди со схожими интересами объединялись в кружки, чтобы при любой возможности обсуждать прочитанное. Сегодняшняя встреча проходила как обычно, но вскоре всё изменилось.

— Товарищи, посмотрите, что я нашла! — в класс, где они обычно собирались, влетела Чжа Цзяньин, размахивая газетой.

— Что там? Выступление руководства или новые успехи нашей дипломатии?

— Нет, — ответила Чжа Цзяньин. — Товарищ Ху Вэйминь опубликовал статью в Газете пекинской молодежи!

— Ху Вэйминь? Это он? Он действительно необычный человек, раз его статьи печатают в Молодежной газете. О чем там? Дай посмотреть!

Благодаря стараниям Чжа Цзяньин и Чэнь Цзяньгуна, Ху Вэйминь стал довольно известен в их узком кругу. Теперь, когда его статья появилась в печати, все хотели прочитать ее как можно скорее. Статья была короткой, и вскоре все присутствующие ознакомились с ней. В классе воцарилась тишина.

— Чего молчите? — улыбнулась Чжа Цзяньин. — Как вам статья товарища Ху Вэйминя? Разве не великолепно?

— Сказать, что каждое слово в ней на вес золота — ничего не сказать! — отозвался Чэнь Цзяньгун.

— Раньше мне казалось, что вы слишком его нахваливаете, но теперь вижу, что ваши описания и на одну десятитысячную не передают его таланта! — добавил один из членов кружка.

— Эх, я думал, что раз мы учимся в университете, то наш кругозор шире, чем у обычных людей. Теперь вижу, что мы всё еще слишком наивны. После Горькой любви мне казалось, что надежды нет, но после прочтения статьи Ху Вэйминя Свет предрассветного часа я словно действительно увидел путь вперед!

— Да, Горькая любовь неточна, потому что надежда — вот она, прямо перед нами!

— Я очень хочу пообщаться с товарищем Ху Вэймином лично.

— Он слишком загадочен. Я спрашивал у многих, но никто не знает, на каком он факультете.

— Золото всегда засияет. Уверен, после этой статьи товарища Ху уже не скрыть!

Газета пекинской молодежи имела большое влияние и была одним из изданий, на которые подписывались низовые организации. В Пекине, в офисе управления кинематографии, один из товарищей после прочтения газеты был крайне взволнован:

— Это именно то, что нам нужно! Товарищ Ху Вэйминь действительно понимает, почему мы запретили Горькую любовь!

Он немедленно взял газету и направился к своему непосредственному начальнику:

— Руководитель, посмотрите на статью товарища Ху Вэйминя. Наша кампания наконец-то принесла плоды!

Начальник, дочитав, одобрительно закивал и дал указание:

— Немедленно свяжитесь с коллегами из Отдела пропаганды, эту статью должны прочитать как можно больше людей!

— Есть!

В последнее время управление кинематографии подвергалось жесткой критике из-за запрета Горькой любви. Попытались закрыть глаза — обвиняли в грубости; пытались спорить по существу — не могли переубедить интеллектуалов, сочувствующих фильму. Теперь же статья Ху Вэйминя появилась как нельзя кстати. Он сказал то, что они хотели, но не могли выразить сами. Вполне вероятно, что общественное мнение теперь повернется в другую сторону. Хотя эта статья не решала проблему в корне, она была отличным средством для снятия симптомов.

В одном из пекинских экономических институтов учился Хуан И. Когда-то свет лидера озарял его и вдохновлял, но после крушения идеалов в период потрясений и последовавшего за этим быстрого исправления ошибок он растерялся. В этот момент появилась Горькая любовь, и сюжет о преследовании главного героя за верность художественным идеалам вызвал у него сильный отклик. Позже запрет фильма вызвал в нем протест, что привело к мысли, будто любое вмешательство в искусство и свободу — это подавление демократических идей.

Лишь появление статьи Ху Вэйминя заставило его внезапно очнуться. В конце концов, в нем еще теплилась глубокая вера, поэтому он не окончательно заблудился в ложных идеях об абсолютной свободе искусства.

Ху Вэйминь...

Он запомнил это имя и надеялся увидеть еще больше статей этого автора.

Тираж Газеты пекинской молодежи был немалым, Пекин был основным рынком, и в этот день по меньшей мере сотни тысяч людей прочитали его статью. Кто-то, считая себя «прозревшим», оставался сторонником Горькой любви, кто-то увидел в ней недостатки, но большинство людей нашли в статье Ху Вэйминя направление для движения вперед. Она была подобна свежему хлебу, притягивающему голодных.

Неизвестно, сколько людей взялись за ручки, чтобы написать в редакцию письма — с

поддержкой или с критикой, — и выразить желание обменяться мыслями с Ху Вэймином.

<http://bllate.org/book/18482/1773480>